

архангельского чина царский венец есть и духовного суть») ⁵ и подчеркивание значения Новгорода в качестве церковного центра (куда прибыл белый клобук).

Труднее найти в «Повести» нотки, созвучные обличительной литературе Геннадиевского толка, ибо, как правильно заметил Я. С. Лурье, публицистические моменты в ней носят не прямой, а косвенный характер. ⁶ Но такие нотки, думается, есть.

Это прежде всего идея о незыблемости авторитета церкви и духовной иерархии, о силе церковной традиции, об обязательности поклонения святыням, которые еретики хулили, как вещи, «сотворенные от рук человеческих». ⁷ В «Повести» рассказывается, как белый клобук — эмблема высшей духовной власти — подвергался преследованиям в Риме; папа его возненавидел, хотел сжечь, а затем отправил в дальние страны, чтобы там подвергнуть поруганию и истребить. Дальнейшая история белого клобука, его изгнания из Рима и возвращения туда опять, его нового путешествия — сначала в Византию, затем в Русь, рассказы о его чудесном избавлении от опасностей и о божьей каре, постигавшей его преследователей, — все это проникнуто стремлением доказать твердость церковных устоев и догм ортодоксального православия. За выпадами против католической «ереси» и папства могла скрываться защита авторитета церкви, олицетворенного в белом клобуке, от ее местных хулителей.

Вторая идея, пронизывающая «Повесть», — это представление о силе и святости божественной благодати, отмечающей тех, кто достоин священного сана. Богом было предопределено, что белый клобук носил на своей главе новгородский архиепископ Василий, и поэтому тщетными оказались попытки удержать его как в Риме, так и в Константинополе. Рассказ о судьбе белого клобука мог быть рассчитан на «поучение» тех, кто (как стригольники) отрицал, что духовные лица через таинство священства становятся носителями божественной благодати. ⁸

Наконец, следует отметить, что «Повесть о белом клобуке» представляет собой апологию чудесного. Она вся соткана из чудес, которые автор, очевидно, рассматривал не просто как материал для занимательного чтения, а как нечто, долженствующее убедить в бессилии человеческого разума постигнуть то, что является плодом воли божьей и доступно лишь вере. Нельзя ли видеть в таком характере «Повести» стремление ее автора противопоставить ортодоксальное понимание веры и дара чудотворения, как проявления божественной благодати, представлениям еретиков, нашедшим выражение в «Лаодикийском послании» Федора Курицына и в «Написании о грамоте», — о «самовластии души» и о «самовластии ума»? Раскрывая характер мировоззрения Ф. Курицына, Клибанов указывает, что хотя по его учению «самовластие души» не должно выходить за ограду религии, однако законодателем веры является человек; что же касается силы чудотворения, то она заключается не в самом чуде, не в благодати, а в той мудрости, которая в нем проявляется. ⁹

Я не хочу, конечно, сказать, что «Повесть о белом клобуке», направлена непосредственно против Ф. Курицына. Я считаю лишь возможным, что, вводя читателей в сферу чудесного, ее автор хотел предостеречь их от во-

⁵ Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики, стр. 203.

⁶ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 229.

⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 121.

⁸ Там же, стр. 46.

⁹ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России..., стр. 342.